

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА И МЕСТЕЧКОВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В XVII–XVIII ВЕКАХ

В статті розглянуто процеси формування білоруського етносу в XVII–XVIII ст. На противагу польській експансії на білоруські землі, в різних містах Великого князівства Литовського у XVIII ст. виникає містечковий білоруський націоналізм і вперше згадуються білоруси як назва людської спільноти. XVIII століття стало часом завершального етапу формування білоруського етносу, на основі якого у XIX ст. формується білоруська нація.

Ключові слова: етнос, нація, націоналізм, білоруська держава, білоруси, християнство, православ'я.

В истории культуры Беларуси период XVII–XVIII веков принято считать периодом упадка – в противовес Золотому XVI веку. Причину этого находят прежде всего в изменении политического статуса белорусского государства, носившего в предыдущий период – XIII–XVI веков – название Великое княжество Литовское. После Люблинской политической унии 1569 года и церковной унии 1596 года вся территория теперешней Беларуси оказалась в новом государстве – Речи Посполитой.

Изменение политического положения повлекло за собой и естественные изменения во всех сферах жизни белорусской составляющей ВКЛ. В чем существенное отличие статуса белорусов в ВКЛ и в Речи Посполитой?

1. Великое княжество Литовское: белорусский язык – государственный. В культуре, литературе, просвещении и других областях общественной жизни доминирует белорусский фактор. Православие имеет высокий статус, оно распространено в среде высших государственных лиц, в том числе и великих князей.

2. Речь Посполитая: польский язык – государственный. Белорусский язык вытесняется из употребления и в 1696 году как язык деловых отношений был официально запрещен. В делопроизводстве, в литературе и в образовании начинает преобладать польский язык и польская культура. Белорусская элита начинает стремительно ополячиваться. Контрреформация породила новый виток усиления католической экспансии, а расширение иезуитских организаций принесло с собой ополяченную культуру, ополяченное просвещение и образование. Православие является не только запущенным, за его исповедание в Речи Посполитой можно было даже попасть в тюрьму, о чем, например, свидетельствует жизнь Афанасия Филипповича.

Таким образом, этот краткий перечень свидетельствует об изменениях, которым подвергся белорусский этнос, обретения им поликонфессиональных черт, что даст к началу XIX века все основания на приобретение надлежащего потенциала для процесса формирования нации, к которому с конца XVIII века приступила Европа.

Еще один негативный момент новой политической ситуации отмечает Янка Запрудник: *«На протяжении веков и правительство, и население Великого княжества Литовского были чрезвычайно толерантны к другим регионам, но когда массы белорусов и украинцев не пошли за своими иерархами в унию с Римом, королевские власти вместе с католическими и униатскими деятелями совершили многочисленные акты насилия над православными»*¹. О насилии над иноверцами мы знаем достаточно много фактов, а убийство в 1623 году православными Витебска униатского епископа Иосафата Кунцевича вошло в историю как пример наивысшей религиозной нетерпимости. Для православных убитый епископ остался в памяти как «душехват», а для униатов стал святым, канонизированным Римом. И это все – в среде одного и того же самого народа! О каком национальном единстве, породнении, ощущении «своего плеча» здесь можно говорить! Значит, единого народа не было, а те остатки этнического сознания не шли в зачет перед сильной религиозной фактурой.

Бурное наступление Реформации привело к тому, что множество протестантских групп, прежде всего кальвинисты, обратились снова в католицизм, еще более усилив и без того бурный рост католической церкви в Беларуси. Деятельность православных братств, главных защитников веры в XVI в. и в первых десятилетиях XVII в., на середину XVI в. века затухает.

Еще один процесс тех времен нельзя оставить без внимания. Это массовый побег в Украину белорусов, прежде всего крестьян, которые не хотели принудительного перехода в униатство. Беглые предки современных белорусов присоединялись к казацким отрядам и из этих казаков постепенно образовалась знаменитая Запорожская Сечь.

Ситуация, которая складывалась в начале XVII в., с одной стороны, отрицательно сказывалась на укреплении белорусского этноса – общности людей с определенными религиозными приоритетами, языком и территорией и грядущим процессом формирования белорусской нации. При разговоре о жителях Речи Посполитой все больше использовался политический термин «польский», а католицизм постепенно приобретал статус «польской веры» – названия, которое ширилось среди простого люда. В среде же православных деятелей устойчиво сохранялось название католичество, или «латинство».

Однако, с другой стороны, именно эти политические процессы, в первую очередь конфедерация Короны и ВКЛ позволили выделить, «заметить» отличия населения восточных территорий Речи Посполитой от поляков западных областей и жителей Московского государства.

Этноним «белорус» до XVII в., был известен только как топоним и впервые был употреблен в смысле самоидентификации, принадлежности к определенному народу Соломоном Рысинским (1560–1625)². При поступлении в Альтдорфский университет он записал: «Solomo Panterus Leucorussus» – «Соломон Рысинский белорус».

С. Рысинский первым выделяет белорусов как самостоятельный этнос (народ), наряду с русскими или поляками. Однако основная часть населения отождествляла себя в то же время с термином «русский». Характерно, что в Московии – в государстве, позднее отождествившие себя с русским этносом, жители имели названия «москали», «московцы», «московиты».

Сложившаяся после 1596 года в Речи Посполитой ситуация была в пользу Московии, седа, который все усиливался и неуклонно превращался в Империю. Цари объясняли свои непрерывные захватнические войны с Речью Посполитой (1604–1618, 1632–1634, 1648–1654, 1654–1667) потребностью освобождения православных от «латинства». Именно «москали» впервые ввели в конце XVII в. для обозначения православного населения восточных областей Речи Посполитой название «белорусы» («беларусцы»), а территорию назвали Беларусь. Сами же белорусы только в конце XIX в. начали применять это слово как самоназвание, вместо распространенных во времена ВКЛ терминов «литвины», «русины» или «тутэйшыя». Та же литвинская шляхта считала своим родным языком русский (русинский), который теперь принято называть старобелорусским. Москва в отношении своих западных соседей использовала термины «литва», «литовцы». (О жемойтах и аукштайтах, к которым через определенное время перейдет название соседей – литовцы, русские мало что ... знали. – А. О.).

Но и эти термины имели лишь местное значение для территории ВКЛ. Территория этнической Польши называлась Коронай, а жители – поляками. На государственном уровне Польши, независимо от территориальной локализации, все жители назывались поляками и государство – Польшей. Поэтому и все упомянутые войны России с Речью Посполитой в XVII в. называются русско-польскими. Вспоминая позорную для русских оккупацию Москвы польской армией в 1610–1612 гг. как с русской стороны, так и с белорусской сейчас мало кто задумывается над тем простым фактом, что существенную, если не большую часть, той «польской» армии составляли выходцы с территории ВКЛ, т. е. белорусы.

Развитие белорусского этноса в XVIII – первой половине XIX вв. и сопутствующего ему местечкового белорусского национализма надо рассматривать как ответ на массовый подъем «европейских национализмов», который начался после знаменитой буржуазной французской революции 1789–1793 гг. и поражения наполеоновского абсолютизма. Этот белорусский национализм еще не имел, по-видимому, своего конкретного названия и некоей идеологической концепции. Его было бы лучше назвать местечковым патриотизмом, по крайней мере, это слово больше соответствовало бы современным представлениям о тогдашнем национально-определяющем чине. Но это не важно. Именно тот, литвинский национализм XVIII века и стал началом следующей волны этнографических путешествий, экспедиций, толчком к написанию первых исторических трудов, первых белорусских стихов, рассказов, началом формирования белорусского литературного языка.

Как и в предыдущих XV–XVI вв. в рассматриваемом периоде (XVII–XVIII вв.) белорусские земли сохраняли за собой название «Литва», а жители – название «литвины» или «русские». Язык, которым пользовались граждане этого литовского края Короны был тоже не польский, и тем более он не был никому не известным жмудским языком. Он был тем языком, который сейчас называют белорусским. Но, в то время он имел ряд названий, из которых он нам известен как язык «литовский» («литвинский») или «русский» («русинский»). При этом при использовании термина «русская», «русский» подчеркивалось или подразумевалось четкое разграничение этого понятия от названия языка соседнего – Московского государства, а позже Российской империи, где местный язык назывался московским или российским.

Ярким проявлением литовского (белорусского) национализма является личность выдающегося поэта Адама Мицкевича. И не потому, что он родился в этнических белорусских землях – на Новогрудчине, а потому, что он считал себя «литвином» и воспевал в стихах свою родину Литву, а не Польшу. Стихотворение, где есть строки «Litwo, ojczyzna moja, ty jesteś jak zdrowie», свидетельствуют, во-первых, о том, что А. Мицкевич считал своей отчиной не Польшу, а именно Литву-Беларусь. Во-вторых, здесь выказывается такая сильная любовь к этой своей Отчизне, которую можно приравнять с главной ценностью для человека – здоровьем, «ты – как здоровье», – пишет поэт.

Интересные примеры этой самой любви, привязанности к своему Отечеству, своей земле у наших соотечественников XVIII в. приводит Адам Мальдис в книге «Беларусь в зеркале мемуарной литературы XVIII века»³. Он отмечает, что белорусская знать и вообще жители Беларуси никогда не чувствовали себя этнически едиными с поляками – «караняжамі». Более того, в XVIII в. сепаратистские стремления только усилились, возросло ощущение особенности. Даже состоятельная знать, магнаты не скрывали своей неприязни к Польше. Так, Король Радзивилл говорил: «Я люблю Корону, пане каханку, но нет лучше нашей Литвы. У меня и в Короне есть кусок земли, но черт бы там сидел»⁴. А. Мальдис отмечает, что уже для XVIII в. стали характерными четкие очертания патриотических чувств жителей Беларуси. Правда, патриотизм еще не имел «собственного имени». Он то «литовский», то «русский», но уже противопоставлен «польскому», «коронному». Анализируя произведения белорусских мемуаристов, А. Мальдис отмечает их общую черту – любовь к своей Родине. Так, Лукаш Галамбёвски, поляк по происхождению, сначала считал себя литвином (детство его прошло на Пинском Полесье). Обращаясь к сыну он говорил: «Там литвины и ты от литвина походишь ... Как меня радует, что ты мою родную сторонку нашел такой же, какая она в моих воспоминаниях, в моем сердце. Ведь если ты «кароняж», то я литвин, до костей литвин, к тому же пинчанин»⁵.

Еще один мемуарист Г. Жевуски, который происходит из Волыни, юность провел в Литве – на Минщине. «Моя сознательная жизнь пробудилась в Литве, и если бы кто не посчитал меня литвином, тот бы меня обидел». Литва была для Г. Жевуского очень привлекательной, сокровищницей старых традиций, там меньше ощущалась власть денег: «В Литве была простота обычаев, заботливое хранение родных преданий. ... Какая-то моральная направленность общественного мнения». Фактически, Г. Жевуски обосновывает свой национализм, а его желание считать себя литвином созвучно современному понятию национализма, где одним из главных атрибутов есть желание принадлежать к этой нации.

Однако настоящий националистический стих дошел к нам уже из XVII в. Его написал поэт Ян Казимир Пашкевич. Стих написан на белорусском языке того времени и четко показывает нам, что в Польше «процветает» латина (польский язык), а в Литве – «русский язык» (т.е. белорусский):

*Польска квитнець лациною,
Литва квитнець русчызною.
Без тэй ў Полсце не прабудзешь,
Без сей в Литве блазнем будзешь.
Той лацина езык дае.
Та без Русі не вытравеат.
Ведзь же юж, Русь, иж тва Хвала;
По всем свете юж дойзрала.
Всяля ж се ты, Русіне,
Тва слава нікгда не згине!*⁶

Эпоха ренессанса принесла в Беларусь новые формы литературных произведений. Это автобиографические произведения, мемуары, воспоминания и др. Среди них «Исторические

записи» Ф. Евлашевского, «Диариуш» П. Обуховича, «Диариуш» С. Маскевича, «Воспоминания» Е. Цандровского. Отдельное место занимает в этом списке «Диариуш» Афанасия Филипповича. Достоянства внимания его деятельность в защиту православия на землях ВКЛ XVII в. Тогда ВКЛ уже входило в состав Речи Посполитой. Автор, Афанасий Филиппович, родился в 1597 г., погиб – в 1648 г. С 1627 г. – монах Святодухового монастыря в Вильнюсе. В 1640 году стал отцом-настоятелем православного братства св. Симеона в г. Бресте. Наиболее известен своим произведением «Диариуш». В «Диариуше» А. Филипповича нет книжной риторики, к чему часто обращался в произведениях его современник М. Смотрицкий. Наряду с этим в «Диариуше» много точных описаний и воспоминаний: «Мещане зась убогие из Люблина, Сокаля, Орши, Пинска, Белска, Кобрин, Берестя и из инших мест и местечек плачливе ляментуют, же юж не мают и людей, с ким бы церквами своих доходити могли! .. Ах, беда же! Креста не принявши детки, а взрослые без шлюбов живут, а вмерлых в полях, в огороде и в пивницах потаемне в ночи погребают! .. Над Турецкая неволе, тут в панство Христианская православные люде болше неволе терпят и мают! Ведь оршане бедные за то, что в Братство своєю новую церковь збудовали, двесте Червоных золотых подканцлер за печать давали...». (См.: Коршунов А. Афанасий Филиппович. – Мн., 1965. – С. 97–180).

А. Филиппович – человек преданный православной вере и Отечеству. Весь его многострадальный жизненный путь свидетельствует о его неистовой любви к Беларуси и непринятию чужой культуры, польского нашествия, которое подавляла родную веру. По-настоящему осознать масштабы фигуры А. Филипповича можно только учитывая политические реалии, имевшие место в те времена. Деятельность борца за православную веру приходится на времена с 1627 г. – принятие Афанасием иноческий постриг по 1648 год – это время мученической смерти. Это было время наихудшее для православия в ВКЛ, так как после принятия унии 1596 года православие стало крайне нежеланным, чуждым в высших эшелонах власти и, разумеется, при дворе короля.

Белорусская литература XVII–XVIII веков – эпохи, которую принято называть временем упадка – не богата на значительные произведения. Если православная и, отчасти, протестантская литературы Золотой поры выделяются множеством сведений просветителей, творцов, которые заложили первые камни в фундамент будущего белорусского национализма, то в данный период православие в ВКЛ переживает очень трудный период. Количество православных приходов резко сокращается, настало время триумфа унии. На конец XVII в. количество униатских общин составляло около 95% от всего количества христианских общин, хотя обряды богослужения в этих униатских церквях почти не отличались от православной литургии. Что же ценного осталось от униатского периода?

Факт остается фактом, но в пространстве униатской литературы не просматривается значительных мыслителей, которые бы развивали белорусскую национальную идею. Основные произведения униатских деятелей XVII в. Ипатия Потия⁷ («Справедливое описание поступку и sprawy синодоевое и оборона згоды и едности съвершенное, которая се стала на синоде Берестейском в року 1596 ...»), Иосафата Кунцевича⁸ («Катехизм од слуги Божого Иосафата сочетанный»), Иосифа Руцкого⁹ («Подвойной вина»), Петра Скарги¹⁰ («О единстве костела») и Мелетия Смотрицкого¹¹ («Верификация невинности») после перехода в унию насквозь пропитаны борьбой с «еретиками» (так они называли православных). Эта литература носит название «полемиической» и хорошо проанализирована И. Саверченко¹², которая отмечает, что в языке некоторых произведений этих деятелей наблюдается новая тенденция. Так, в произведениях И. Потия просматривается четкая тенденция к замене церковнославянского синтаксического и лексико-морфологического фонда на диалектно-разговорные формы. Заметим, что он выступал за сохранение церковнославянского языка в богослужениях, но трудился над созданием светских литературных произведений на языке простого народа. Фактически, это новый этап в развитии белорусского литературного языка.

Теперь несколько штрихов о роли христианства в становлении белорусской нации в XVI–XVII вв. Что представляло собой в этнически-национальном смысле ВКЛ? Еще в XVI в. существовали этнические группы, которые объединялись по языковому, территориальному и конфессиональному признаку. Однако, только ли об этнической составляющей белорусского народа того времени мы можем говорить? Немалую роль играли тогда и патриотические чувства, что видно из произведений Ф. Скорины, который писал, что каждый человек «до того места милость имеет», где он родился. И хотя нельзя назвать обитателей ВКЛ белорусской или литвинской нацией, но в этом народе уже содержались многие признаки будущей нации, и такие полиэтнические образования можно назвать пронацией.

Янка Запрудник в своей книге «Беларусь на исторических перекрестках» (Минск, 1996) писал: «И деревенские жители, и значительное большинство горожан оставались православными. Причина этого сопротивления реформационным течениям лежала в ополченности большей части магнатов, так что преданность вере предков была для большинства белорусов делом национального выживания»¹³.

В. Акудович, цитируя эту фразу, сразу выделяет последние слова о «национальном выживании» и делает следующее не совсем аргументированное замечание американскому исследователю. Согласно его идее, «нация» (белорусская) еще не образовалась, поэтому какое может быть «выживание» несуществующего¹⁴. На самом деле, ясно, что своей фразой подразумевает В. Запрудник. Он говорит о национальных признаках той пронации белорусов, которые составляют ее основу и сейчас. То же православие долгое время было сильным оружием выживания белорусов, которые никак не хотели «сливаться» с поляками в Речи Посполитой и принимать католицизм. Как раз именно вера и была сильным стержнем сохранения белорусского этноса сначала в ВКЛ, а потом и в Речи Посполитой. И уния появилась в большой степени по этой же причине. Именно стремление к сохранению своей веры предков – наиболее существенная составляющая такого сообщества людей, которая называется нацией.

Одним из первых белорусских мыслителей, пришедших к мысли о христианских корнях нации, национализма, и, прежде всего, белорусского народа, был Адам Станкевич (1892–1949). Анализируя основные факторы, влияющие на формирование белорусского этноса и нации, он отмечал, что главным фактором является «общее сознание и совместная воля как основа, завершающая понятие народа». Чувство общности – это как бы завершение творческого социального развития человека. И чтобы это чувство сформировалось, пишет А. Станкевич, необходимо существование неких подлежащих. И вот такими подлежащими есть язык, этнографическая общность и др. В формировании белорусской нации большую роль сыграло христианство. Оно не только привело к возникновению белорусской национальности, но и «играло в этом направлении отличную, а может и главную роль», – подчеркивал А. Станкевич. Какие же приобретения белорусскому народу принесло христианство? Прежде всего, это грамотность, которая дала различным племенам, населяющих наши земли, возможность общения, возможность прикоснуться к приобретениям тогдашней мировой цивилизации – греко-латинской античной культуры, произведений христианских мыслителей. «А все это побуждало творческий инстинкт народа и развивало его национальную особенность, причиняя этим к большему слиянию этих наших племен воедино целое, национальное»¹⁵. Священник Адам Станкевич был активным деятелем католической церкви, но, прекрасно понимая историческую миссию православия для белорусского народа, он вполне объективно писал: «Со времен литовской династии в белорусском государстве, когда у нас уже господствовало православие, белорусский народ, защищаясь от наступления на Беларусь латинизма и полонизма, защищал не только свою религию, но так же и национальность, оживляя и углубляя в массах ее общность и единство». Не менее значительную роль в единении народа играло христианство и позже, во времена унии: «Опять же, со времени унии, когда культурные и богатые классы оставили народ, переходя в латинизм и польскость, и когда они все больше наседали на народ, он (народ), защищая свою униатскую веру, свой восточный обряд, защищал и укреплял дальше и свою белорусскую национальность»¹⁶.

Таким образом, формирование первичной формы белорусского национализма в XVIII в. является неоспоримым фактом. Этот век, в сравнении с прошлыми XVI и XVII вв., добавляет новые элементы в понятие нации – скорининскую любовь к родным местам поднимается на новый уровень сознания. Литва (в нынешнем смысле – Беларусь) становится национальным государством и то, что ВКЛ входит в состав Речи Посполитой не мешает нациообразованию, а, возможно, даже наоборот, стимулирует формирование белорусской нации. К большому сожалению, не очень положительную роль сыграл факт перехода названия Литва ко второстепенной по численности этнической общности – жемойтам, а новое наименование жителей ВКЛ – белорусы, до сих пор не всеми и не всегда отождествляется с прежней «Литвой».

И все же, нет никаких оснований считать, как это делают В. Акудович¹⁷ и В. Булгаков¹⁸, что белорусская нация начала образовываться только в Российской империи конца XIX в. К этому времени белорусская нация определенно существовала и как историческая общность людей и как народ со своими особенными древними традициями и обычаями и, более того, на это время сформировался белорусский язык в современном своем виде, который тогда уже начал свой тернистый процесс литературного унормирования, который, к сожалению, не закончился до нашего времени.

Вхождение Беларуси в состав Российской Империи имело как положительные, так и отрицательные последствия для формирования белорусской нации. Именно это время (условно – после французской революции 1789 г.) считается точкой отсчета нового надэтнического образования – наций и началом нового, националистического мышления – национализма, ставшего через совсем короткое время, в XX веке, основным двигателем мировой истории. Что принес Беларуси и прежде всего белорусскому этносу этот новый поворот судьбы – жизнь в составе нового государства, Российской империи? Первое: наконец начал применяться термин Беларусь (в русскоязычном варианте – «Белоруссия»). Так, в Петербурге называли занятую русскими в 1772 году территорию Речи Посполитой, которая в старину принадлежала Великому княжеству Литовскому. Параллельно, «на местах» для обозначения этой территории продолжал применяться термин Литва (например, это отражено в произведениях А. Мицкевича). Второе: приостанавливается процесс полонизации края. Фактически, белорусская элита, которая несла ответственность за образование, культуру и науку была в большой степени полонизированной. Белорусский язык с 1696 г. исчезает не только из официального употребления, но и из других сфер общественной жизни – образования, просвещения, культуры и др. Даже в униатских богослужениях Речи Посполитой, где долго сохранялся восточный обряд и церковнославянский язык, появилась реальная угроза полной полонизации. Третье: после 243-летнего господства унии к белорусам начинает возвращаться православие, которое было верой предков и существовало перед униатскими временами около 400 лет. К 1772 году греко-католическая церковь почти исчерпала, если можно так сказать, свою уникальную спасательную функцию от латинской угрозы и окатоличивания белорусов в XVI–XVIII вв.

Центром просвещения в это время становится Полоцкая академия, которая была на то время единственным в мире иезуитским учебным заведением. Можно согласиться с И. Бобковым, который считает, что на базе белорусского этноса около середины XIX в. начинает складываться новая белорусская идентичность в современном виде¹⁹.

Действительно, как мы уже видели из предыдущего материала, в XVIII в. имело место проявление местного национализма, который вырос на непринятии польской культуры. После 1772 г. воздействие польской культуры неуклонно падает и белорусы начинают себя видеть без польской цензуры и вообще, если можно так сказать, без польской ауры. Они знакомятся с русской культурой, якобы близкой ей, возвращаются, как им казалось, к родному, русскому православию. Но оказалось, что к концу XVIII в. понятия «русский» в ВКЛ и «русский» в Российской империи – это далеко не один и тот же народ. Русская культура, русский язык, русское православие стали за два века неузнаваемо другими. И на этом фоне, по-прежнему не принимая польской культуры, белорусы начинают понимать, что они хоть и «русские», но не такие как русские Российской империи. Это осознание идет как сверху, так и снизу. Интеллигенция начинает осознавать, что народ сохранил и язык, и обычаи, и вообще свою отличительную белорусскую культуру. Крестьяне начинают также поднимать свой голос и утверждаться в новых условиях.

Все эти особенности белорусского края, аннексированного Россией у Речи Посполитой, не остались незамеченными царским правительством. В 1793 году, оставляя наместника на белорусские земли, Екатерина II пишет: «...словом образовав те губернии по правилам учреждения наших и прочим законам, по коим Всероссийская империя и Белорусские губернии от Польши же присоединенные управляются»²⁰. Императрица придавала приобретенным белорусским территориям политический акцент и рассматривала их как территориально-этнические единицы. 12 декабря 1796 года был подписан указ о создании Белорусской губернии. Центром ее стал город Витебск. И важно отметить, что с «этого времени наименование «Беларусь», «белорусы» прочно утвердилось не только в литературных сочинениях, научных дискуссиях, они стали политическим фактором в деле формирования белорусской нации»²¹.

Таким образом, XVIII столетие стало временем завершающего этапа формирования белорусского этноса, который весьма скоро – уже в следующем XIX столетии – стал основой становления белорусской нации в современном ее понимании.

¹ Запруднік Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. – Мінск, 1996. – 242 с.

² История белорусской государственности. В пяти томах. Т. 1. – Минск, 2018. – С. 413.

³ Мальдзіс Адам. Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя. – Мінск, 1982. – 256 с.

⁴ Rzewuski Henryk. Pamiątki Sopolicy. – Warszawa, 1978. – С. 65.

- ⁵ Gołębiowski Łukash. Pamiętnik o życiu. – Warszawa, 1862. – S. 77.
- ⁶ Ян Казимир Пашкевич. Польска квітнець лаціною // Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. – Мінск, 1956. – С. 336.
- ⁷ Патей Ипатий. Справедливое описание поступку и sprawy синодовое и оборона згоды и едности съвершенное, которая се стала на синоде Берестейском в року 1596 ... – Вильня, 1597.
- ⁸ Кунцевич Иосафат. Катехизм од слуги Божого Иосафата сочотанный. Рукопись Библиотеки АН России в Санкт Петербурге, фонд П. Доброхотова. – № 33. – С. 182–195.
- ⁹ Rutki J. Sowita wina... W druk podany w Wilne, roku Panskiego 1621.
- ¹⁰ Skarga P. O iedności Kosciola Bożego... Wilna 1577 // Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 2. – СПб., 1882. – Т. 7. – С. 223–526.
- ¹¹ Smotrzycki M. Verificatia niewinności. Lipssius (Wilnia), 1621.
- ¹² Саверчанка І. В. Публіцыстычная літаратура Беларусі другой паловы XVI–XVII ст.: аўтарэф. ... доктара філалагічных навук. – Мінск, 2000. – 42 с.; Саверчанка І. В. Aurea mediocritas. Кніжна-пісьмовая культура Беларусі. Адраджэнне і раннее барока. – Мн., 1998. – 319 с.
- ¹³ Запруднік Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. – Мінск, 1996. – 242 с.
- ¹⁴ Акудовіч В. Код адсутнасці. – Мінск, 2007. – 216 с.
- ¹⁵ Станкевіч А. Хрысьціянства і беларускі народ: Спраба сынтэзы / Хрысьціянская думка, 1992. – № 1; Станкевіч А. Хрысьціянства і беларускі народ // Станкевіч А. З Богам да Беларусі. Збор твораў. – Вільня, 2008. – С. 334.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Акудовіч В. Код адсутнасці. – Мінск, 2007. – 216 с.
- ¹⁸ Булгаков В. История белорусского национализма. – Вильнюс, 2007. – 332 с.
- ¹⁹ Бабкоў І. Генеалогія беларускай ідэі // Arche. – № 3. – 2005.
- ¹⁰ Грыцкевіч В. Беларуска-рускія перасяленні ў XIV–XVII ст.ст. // Спадчына. – 1993. – № 6. – С. 46–49.
- ²¹ История белорусской государственности. В пяти томах. Т. 2. – Минск, 2019. – С. 212.

В статье рассмотрены процессы формирования белорусского этноса в XVII–XVIII веках. В противовес польской экспансии на белорусские земли, в разных местах Великого княжества Литовского в XVIII в. возникает местечковый белорусский национализм и впервые упоминаются белорусы как название общности людей. XVIII столетие стало временем завершающего этапа формирования белорусского этноса, на основе которого в XIX столетии образуется белорусская нация.

Ключевые слова: этнос, нация, национализм, белорусское государство, белорусы, христианство, православие.

This article describes the formation of the Belarusian ethnic group in the XVII–XVIII centuries. In opposition to the Polish expansion into Belarusian lands, parochial Belarusian nationalism emerged in various locations across the Grand Duchy of Lithuania in the 18th century, and Belarusians were for the first time referred to as the community of people. The 18th century became the final stage of the formation of the Belarusian ethnos, on the basis of which the Belarusian nation was formed in the 19th century.

Keywords: ethnos, nation, nationalism, Belarusian state, Belarusians, Christianity, Orthodoxy.